



Михаил Петрович Остроменский – политический философ, председатель регионального отделения Межрегиональной общественной организации «Вече», председатель регионального отделения Всероссийской политической партии «Партия Дела»

Эволюция партизана: от Ивана Сусанина до Усамы бен Ладена

Partigiano (ит.) – сторонник определенной общественной группы, партии.

Побочным результатом рассмотрения феномена *политического* Карлом Шмиттом, одним из крупнейших и глубочайших политических философов и юристов-международников середины XX века, явилась так называемая теория партизана, обнародованная им в одноименной книге в 1963 году.

По Карлу Шмитту, к партизанам можно отнести лиц, активно участвующих в политическом вооруженном противостоянии и удовлетворяющих следующим критериям. **Первое.** Иррегулярность. Иначе говоря, партизан не является частью регулярной армии какой-либо из сторон конфликта и у него отсутствуют установленная форма и знаки различия. Причем не только явные, но и вообще как таковые. Он не носит демонстративно оружие, как это делает солдат регулярной армии. Таким образом, его невозможно визуально отличить от обычного гражданского лица той или иной

местности. То есть партизан в отличие от солдата регулярной армии осознанно избегает демонстрировать свою принадлежность к какой-то стороне конфликта и свои намерения. Это принципиальный момент в судьбе партизана. Партизан не мобилизован по призыву и не организован в соответствии с государственными законами. Он не связан с государством присягой – взаимобязывающей клятвой, – следовательно, он не может быть подвергнут наказанию за ее нарушение. Это его личное решение – перейти к партизанским действиям. Стало быть, человек сам определяет условия, при которых он начинает действовать как партизан и при которых заканчивает это делать, что вносит наибольшую неопределенность в статус партизана как участника вооруженного конфликта. Существенно, что человек, становясь партизаном, берет на себя чисто государственную прерогативу – или, точнее, присваивает исключительное право суверена, таковым не явля-

ясь, — на *jus belli et pacis*, то есть на право объявлять войну и заключать мир. Получается, что партизан по собственному усмотрению присваивает себе право убивать. Именно поэтому партизаны до сих пор неохотно признаются международным правом стороной конфликта, ибо они своими действиями разрушают его, международное право, основу. Из сказанного можно сделать важный вывод: партизан как самозванный суверен в отличие от солдата всегда лично отвечает за результаты своих действий и перед товарищами, и перед противником. Он, например, не может сослаться на преступный приказ, так как он не давал присягу признанному суверену и, следовательно, не может быть подвергнут наказанию за ее нарушение, а значит, исполнение приказа человека, принимаемого партизаном за командира, или отказ от этого есть исключительно его личное, партизана, решение. Партизан, таким образом, выпадает из-под действия международных договоренностей о правилах ведения войны. Но партизан и не ограничен в своих действиях правовыми установлениями и принятыми обычаями ведения боевых действий. Причем иррегулярность не значит неорганизованность. Из всего изложенного следует, что с партизаном противник волен поступать не как с военнопленным, а в лучшем случае как с уголовником в условиях военного времени. Далее, как подчеркивает Карл Шмитт, иррегулярность партизана существует не сама по себе, она зависит от смысла и содержания регулярности. Эта обусловленность партизана регулярностью, на фоне которой ему приходится вести свою войну, играет определяющую роль в последующей его эволюции, ибо в конечном итоге не сам партизан легитимиру-

ет свои действия — это делает регулярность, к которой он привязан. Следовательно, партизан таков, какова эта регулярность.

Второе. Политическая мотивированность. Когда гражданин принимает решение стать партизаном, он руководствуется политическими мотивами и преследует политические цели. Этим он отличается от бандита, руководствующегося соображениями наживы. Например, к таковым на первом этапе своей биографии при всем его благородстве относился Робин Гуд. Аналогичный путь прошел и Григорий Котовский, превратившийся из бандита в революционного партизана тогда, когда в его действиях стала доминировать политическая составляющая. Естественно, возможна и противоположная эволюция — переход партизана в уголовники.



Теория партизана, обнародованная Карлом Шмиттом (на иллюстрации) в одноименной книге в 1963 году, явилась побочным результатом рассмотрения им феномена политического.

Чрезвычайная значимость политического критерия для иррегулярного бойца подчеркивается и этимологией самого слова — «партизан». В эпиграфе дан перевод этого слова с итальянского языка — приверженец партии, партиец, то есть политически активный гражданин. Политическая мотивация позволяет партизану четко понимать свои цели и самому однозначно дифференцировать «друга» и «врага». В то же время у солдата, исполняющего приказы, враг может быть не действительный, а назначенный (существует даже термин «конвенционная война»). Партизан же, напротив, всегда имеет действительного врага, поскольку сам его для себя определяет. Например, многие солдаты-срочники, да и кадровые офицеры Вооруженных

сил Украины в конфликте с Новороссией не имеют действительного врага. Они воюют исключительно в силу данной ими присяги Государству Украина. Их могут наказать за ее нарушение. А вот бойцы добровольческих батальонов, воюющие на стороне киевского режима, напротив, имеют действительных врагов в Новороссии. Они не связаны присягой, их никто не посылал на «антитеррористическую операцию». Они взяли за оружие добровольно, по своему почину, имея политические цели. А значит, ополченцы Новороссии — их политические враги. То же самое можно сказать и о последних: ополченцы — политические бойцы, имеющие политического врага. Враги такого типа не просто наиболее реальные, но они часто превращаются в

Памятник партизанам на Площади мира в Парме. Фрагмент центральной части ансамбля



По Карлу Шмитту, к партизанам можно отнести лиц, активно участвующих в политическом вооруженном противостоянии и удовлетворяющих следующим критериям: иррегулярность, политическая мотивированность, мобильность и теллурический характер действий.

абсолютных экзистенциальных врагов. Партизанская война — всегда война ожесточенная, питаемая настоящей враждой.

Третье. Мобильность. Под мобильностью понимается не только собственно методика партизанской войны, которая редко сводится к лобовым столкновениям с регулярными частями войск противника, к войне с организованными фронтами и видимым территориальным размежеванием противоборствующих сил, а в основном представляет собой налеты, стычки, диверсии, нападения из засады, коварные убийства солдат и коллаборационистов. Помимо всего этого Карл Шмитт указывает и на такое существенное отличие партизана от обычного солдата, как непредсказуемость — даже для собственного коман-

дования. Очевидно, это проистекает из того, что вступление на путь партизанской борьбы диктуется исключительно личным решением человека. Сказывается и отсутствие легальной основы для формирования партизанского отряда. Такая основа, если она появляется, превращает все гражданское население в назначенного врага оккупационных войск — с соответствующими для населения последствиями.

Четвертое. Теллурический характер партизанских действий. Иными словами, партизан берется за оружие для защиты земли, где он родился и проживает, для защиты Родины. Именно здесь — корень легитимации действий партизана. Поэтому партизанские действия нельзя назвать законными, но вполне можно при-

знать легитимными. Они незаконны, поскольку не соответствуют правилам ведения войны и осуществляются лицами, на то не уполномоченными, а легитимны в силу того, что имеют целью защиту традиционного для партизана образа жизни и признаваемой им системы устройства власти. Теллуричность партизанских действий, как и их политическая мотивированность, позволяют тем, кто их ведет, четко определять противника. Это придает таким действиям существенно большую опасность, чем отдельный спонтанный акт неповиновения покоренного населения — даже с превосходящим по численности количеством участников. Последнее представляет собой лишь спорадический выброс психической энергии — выброс, не имеющий позитивной цели, тем более политической. Он кратковременен и либо легко подавляется, либо сам собою сходит на нет. Таким образом, привязанность партизана к

Памятник партизанам на Площади мира в Парме. Фрагмент тыльной части ансамбля



земле, на которой — и за которую — он сражается, существенно повышает его эффективность как бойца. Теллуричность же делает невозможной партизанскую активность на море — из-за неустраняемого принципиального различия пространств суши и моря.

Для осмысления самого феномена партизанства и его эволюции, а также для понимания логики партизанской борьбы важны по крайней мере следующие принципиальные положения.

Во-первых, сам партизан не обладает достаточными ресурсами для ведения настоящей длительной войны, поскольку он может рассчитывать только на себя и на свое самое ближайшее окружение. Он не только должен воевать, но и вынужден кормить себя и свою семью.

Во-вторых, партизан не имеет, особенно на начальном этапе, необходимых навыков обращения с оружием, знаний тактики ведения боя, принципов организации снабжения, правил планирования боевых операций и координации взаимодействия различных подразделений и групп.

По Карлу Шмитту, к партизанам можно отнести лиц, активно участвующих в политическом вооруженном противостоянии и удовлетворяющих следующим критериям: иррегулярность, политическая мотивированность, мобильность и теллурический характер действий.

В-третьих, находясь, по сути, вне закона, партизан остро нуждается в легитимации не только личной, каковую он черпает самостоятельно из своей теллуричности, которая только и способна подвигнуть его на этот опасный путь, но и в повседневной внешней. То есть он испытывает потребность в широком признании, оправдывающем и объясняющем ему и всем вокруг обоснованность партизанских действий и их некриминальный характер. И сам партизан, и его окружение, в первую очередь близкие и значимые для него люди, должны знать, что партизанская война — это не бандитизм, а дело правое. **В-четвертых**, несмотря на политизированную мотивацию партизана, политической цели как таковой у него (в смысле — у классического партизана) нет. Он чрезвычайно привязан к своей земле, к малой родине, его цель заканчивается за оградой собственного огорода.

Можно сказать, что его политическое кредо: все должно оставаться так, как было от века — при отцах и дедах. Вспомним Гражданскую войну на Украине — с ее «батками» в каждом хуторе — или многочисленные крестьянские восстания против красных и белых, успокаивавшиеся на границе того или иного уезда. Или возьмем особенности формирования отрядов афганских моджахедов по этническому и территориальному принципу в войну против советских войск и в последующее время. Парадоксально, но подобная мотивация партизана сближает его с тредюнионистами — как их понимали марксисты. Фридрих Энгельс писал Эдуарду Бернштейну в 1879 году: «Тредюнионы даже принципиально, на основании устава, исключают всякое политическое действие, а участие во всякой общей деятельности рабочего класса как

Памятник Робину Гуду в Ноттингеме



Партизан руководствуется политическими мотивами и преследует политические цели. Этим он отличается от бандита, руководствующегося соображениями наживы. В истории часто можно наблюдать превращение бандита в партизана, когда в его действиях начинает доминировать политическая составляющая, и наоборот.

класса». Аналогичным образом классический партизан исключает — на уровне своего сознания — участие в политической деятельности именно как в политической деятельности. Политизированность классического партизана — это производная от политизированности целей его противника. Как следствие, партизан сам по себе, самостоятельно — идеологически наивен, что легко превращает его в объект манипуляций.

В-пятых, для успеха партизану необходимо наличие третьего заинтересованного лица, или третьей силы, — помимо непосредственно самого партизана и его врага. Таким третьим актором может выступать правительство родной страны. Например, правительство СССР, поддерживавшее партизан во время Великой Отечественной войны или правительства стран антигит-

леровской коалиции, которые проводили аналогичную политику в отношении партизан на территории оккупированных Германией стран Европы. Другой пример: безоговорочная победа на выборах в сентябре 1945 года Вьетмина дала ему легитимные основания вести боевые партизанские действия с Францией от имени государства Демократическая Республика Вьетнам в Первую Индокитайскую войну, или «Войну сопротивления» (1945–1954 годы), а помощь Советского Союза и Китая вьетнамским партизанам в период Второй Индокитайской войны конца 1950-х — середины 1970-х придавала дополнительный международный авторитет и легитимность их действиям. Или же политика Запада по провоцированию Майдана-2004 и Евромайдана. Третья сила часто предоставляет партизану ресурсы, об-

учает его, координирует действия партизанских отрядов. Но самое главное — она способна придать партизанским действиям осмысленность более высокого уровня, цельность, а самому партизану — почти настоящую легитимность и частичную легальность как полноценному участнику конфликта.

II

Партизаны, по мнению Карла Шмитта, как регулярное и заметное явление появились в эпоху войн Нового времени, особенно во время Наполеоновских войн. Характерной чертой революционной армии Французской Республики, а затем Империи стал отказ от рекрута и наемничества и переход к комплектации на основе всеобщей воинской повинности и, что крайне важно, при соответствующем стимулировании политической мотивации населения. Армия из послушного инструмента в руках суверена превратилась в школу политики для народных масс. Участие в войне перестало быть лишь обременительным тяглом подданных или

способом зарабатывания ими денег. Всеобщая воинская повинность явилась одним из важнейших способов формирования государством гражданина. Прежде объявление войны и заключение мира было исключительным правом суверена, теперь же это право присвоила себе нация — став таковым сувереном. Мадам де Сталь писала о революционной французской армии: «Солдаты были всей душой преданы Родине. Мысли о грабеже были им чужды. Они были полны настойчивости, отваги и того беззаботного мужества, которым отличаются французы. Генералы были скромны, бескорыстны и глубоко преданы Отечеству. Дух боевой доблести вырос и укрепился в них раз и навсегда».

Прежде войны представляли собой, по сути, разборки между суверенами с целью заключения нового мира на более выгодных для той или иной стороны условиях. Они велись безотносительно к населению покоряемых земель и серьезно его не касались. Война была междусобойчиком государей. Но теперь, когда сувереном назван сам народ, точнее народ, сумевший сформировать нацию, — политически объединенный этнос, организованный в государство, созданное не на основе принципа престолонаследия и династическим порядком передачи власти, а на базе общего национального политического идеала-идеи, война стала затрагивать уже систему смыслов самого этноса. Она возымела действительные политические цели и начала приобретать тотальный характер. Ведь если теперь на войну может быть мобилизована целиком вся нация, являющаяся к тому же еще и сувереном, то ее врагом оказывается также вся нация противника целиком. То есть война стала тоталь-

ной уже из-за самой тотальной природы нового суверена, а не по чьему-либо злему умыслу или расчету. Партизанство — это ответ одного этноса-суверена на попытку его политического завоевания другим этносом-сувереном с последующей обязательной переменной привычного образа жизни, это фактор народной войны, результат вовлечения в политику самых широких масс населения.

Первыми полноценными партизанами Карл Шмитт считал испанских герильяс, противостоявших сначала под руководством Палафокс-и-Мельси Хосе де Ребольедо, герцога Сарагосского, французским войскам Наполеона I, разгромившим до этого регулярную армию испанского короля Карла IV. В герилье (в переводе с испанского *guerrilla* — маленькая война, войнушка) основную массу не только рядовых, но и представителей командного звена составляли крестьяне и мелкопоместные идалго. Результаты их «войнушки» были впечатляющими: временами чуть ли не до половины всех своих войск Наполеон I вынужден был держать в Испании для противостояния этим герильяс. Заметим — после разгрома испанской армии и капитуляции официальных властей королевства!

Традиции партизанства с давних пор прослеживаются и в отечественной истории. Отсчет следует вести с отрядов мелких дворян, разнообразного «мизинного люда» городов и крестьян, боровшихся с иноземными войсками в Смуту начала XVII века. Апофеозом той партизанской войны стало создание народного ополчения, освобождение им Москвы и учреждение новой царской династии на Земском соборе 1613 года. Идеологической основой народного ополчения стала вполне политиче-

ская цель — противостояние православного русского народа попыткам изменения привычных для него образа жизни, веры и установленной системы власти. Существенна роль крестьянских партизанских отрядов и в разгроме Великой армии Наполеона Бонапарта в Отечественной войне 1812 года.

Важнейшим событием для понимания феномена партизанства стал эдикт об организации отрядов ландвера (народного ополчения), составленный по настоянию и под идейным руководством генералов прусского генштаба Герхарда Иоганна Давида фон Шарнхорста и графа Августа Вильгельма Антона Нейтхардта фон Гнейзенау. Эдикт был подписан 17 марта 1813 года прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Этот документ обязывал всех подданных короля, под страхом соответствующего наказания, оказывать вооруженное сопротивление французским войскам. Участники же партизанских формирований — ландвера — поступали под защиту прусской короны. По сути, это был призыв всего взрослого мужского населения королевства в партизаны. Налицо первая попытка легализовать партизанство. Эдикт действовал всего несколько месяцев и не имел почти никаких практических последствий. Лишь небольшие группы городской молодежи пытались организовать партизанские отряды, не представлявшие в военном отношении никакого значения. Ничтожный результат эдикта продемонстрировал определяющее значение личного решения партизана о вступлении в войну и показал, что именно это решение принципиальным образом отличает партизана от солдата регулярной армии. Кстати, за полтора месяца до указанного эдикта, 3 февраля 1813 года, был впер-

Жан-Батист Мозес. Битва при Флерюсе в 1794 году



Мадам де Сталь писала о революционной французской армии: «Солдаты были всей душой преданы Родине. Мысли о грабеже были им чужды. Они были полны настойчивостью, отвагой и тем беззаботным мужеством, которым отличаются французы. Генералы были скромны, бескорыстны и глубоко преданы Отечеству. Дух боевой доблести вырос и укрепился в них раз и навсегда».

вые объявлен набор добровольцев в прусскую армию, ранее традиционно комплектовавшуюся на основе рекрутской повинности и наемничества, и эта мобилизационная кампания вызвала большой энтузиазм в обществе.

Неудача Эрнесто Рафаэля Гевары де ла Серна в Конго и в Боливии, как представляется, была вызвана тем же самым: в партизаны идут по велению сердца, а не по призыву или рекрутскому набору. Выйдя на сцену Нового времени, партизан постепенно начал оказывать заметное влияние на мировую политику. Так, партизанское движение сыграло решающую роль в появле-

нии независимого Королевства Греции в начале 1830-х годов. Рисорджименто, в котором партизанские отряды имели огромное значение, привело к образованию 17 марта 1861 года единого Королевства Италии.

Но действительно поворотным моментом в осознании феномена партизанства и в его практике стала революционная классовая и народно-освободительная борьба XX века, особенно связанная с именами Владимира Ульянова (Ленина), Мао Цзэдуна и Нгуен Тат Тхэна (Хо Ши Мина).

Первый понял и теоретически обосновал тотальный характер войн Нового времени, тем са-

мым конкретизировав глубокую мысль Карла Филиппа Готтлиба фон Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики иными средствами». Ленин применил ее на практике без всякого иносказания. Поскольку под объявлением войны стала пониматься точная идентификация врага, то полное уравнивание Лениным смысловых основ войны и политики, которые начали различаться лишь по степени интенсивности, сделало возможным уже на этапе низкой напряженности, то есть еще до самой войны, четко и до конца определить врагов и друзей. Такое строгое, ясное, недвусмысленное и раннее различие обеспечивало колоссальное преимущество. Кроме того, Ленин впервые пришел к мысли использовать партизан как ударную силу для свержения родного партизану правительства, тогда как прежде партизаны боролись с захват-

чиками своей земли на стороне собственного правительства. Такую смысловую манипуляцию он осуществил путем резкого усиления политической мотивации партизана за счет его теллуричности. Это, в свою очередь, кардинальным образом изменило суть и смысл партизанской борьбы. Именно после Ленина стало по-настоящему трудно различить партийца и партизана, и начался разрыв партизана со своей землей, с собственным народом и даже с родиной.

Далее Мао в теоретических работах 1936–1938 годов и практике гражданской войны 1927–1950 годов показал, что партизанство — это зародыш новой регулярной армии и нового государства с новой же — рожденной в партизанской борьбе — элитой. В отличие от большевиков, бывших по своему психологическому складу эмигрантами и чуждыми собственному народу — можно сказать, книжниками, — китайские коммунистические руководители выковались в ходе настоящей длительной практики партизанской войны против японской армии и регулярных частей правительства Чан Кайши. Мао на деле воплотил в жизнь идею вооруженной нации. Он разработал и применил на практике концепцию создания «освобожденных районов» как баз партизан. Ему же принадлежит и формула партизанской борьбы: «Враг наступает — мы отступаем, враг остановился — мы тревожим, враг отступает — мы преследуем».

Хо Ши Мин, в свою очередь, обогатил практику партизанства хорошо продуманной тактикой масштабного психологического террора с целью контроля масс аполитичного населения и создания для врага «ландшафта измены», в котором тот оказывается вынужденным жить и действовать. Важным практическим нов-

шеством стало создание параллельных властных пропартизанских структур, охватывавших значительную территорию, формально контролирующуюся центральной — враждебной партизанам — властью. Вьетнамские коммунисты предельно эффективно и умело смогли сочетать подрывную подпольную работу, партизанскую войну и регулярную войну с армией Японской империи, со старой колониальной французской армией, регулярной армией правительства Южного Вьетнама, современной армией США, а далее с партизанской армией Пол Пота и регулярной армией КНР.

В Первой мировой войне партизаны не играли практически никакой роли — в отличие от происходивших столетием ранее Наполеоновских войн. Партизанские действия велись исключительно на периферии основного конфликта. Там либо отдельные нации решали свои частные проблемы — как, например, в Ирландии в 1916 году, — либо беспокоили второстепенного союзника основного противника. Примером последнего были действия Томаса Эдварда Лоуренса (Аравийского) в Османской империи в 1916–1918 годах. То есть и с этой точки зрения Первая мировая подводила черту под эпохой вестфальской системы мирового устройства.

III

Карл Шмитт оставил исследование феномена партизанства в 1963 году (из имеющегося интервью мыслителя 1969 года на ту же тему видно, что она более не находилась в фокусе его размышлений). Но партизан как политический и этнический феномен продолжал жить. Он эволюционировал и развивался. Партизан превратился в одну из мощнейших сил, влияющих на конфигура-

цию мировой политики последней трети XX века — начала XXI века. Достаточно вспомнить революцию на Кубе и антиколониальные движения в Африке. В этом же контексте следует рассматривать партизанские действия в Латинской Америке и радикальные организации партизанского типа в Европе и США в 60–80-х, деятельность сети Джамбори, афганскую войну. А в последнее время — «цветные революции» и партизанство эпохи глобализации.

В эволюции партизанства можно выделить четыре этапа. Причем при переходе от одного этапа к другому тип партизан предшествующего периода не исчезает полностью, а новый преобладающий тип не подавляет все остальные.

Первый этап, первый тип партизанства — классический. Он характеризуется доминированием в мотивации партизана патриотизма, привязанности к родной земле, нации, традиционной системе власти. То есть в классическом партизане сильна теллуричность, а влияние на него третьей силы, напротив, крайне слабо. Примеры партизанских движений этого типа: партизаны эпохи русской Смуты XVII века, испанские герильяс и русские партизаны периода Наполеоновских войн начала XIX века, партизаны в американо-филиппинской войне, партизаны Аугусто Сандино и партизаны Второй мировой.

Второй этап, второй тип партизана — революционный. Ему присуще усиление политической составляющей в мотивации партизана. Можно говорить о балансе теллуричности и политизированности партизанских движений этого этапа. Несмотря на претензии марксизма на всемирное значение и планетарное распространение, по-настоящему далее рассуждений дело не по-

Франсиско Гойя. Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде



Первыми полноценными партизанами Карл Шмитт считал испанских герильяс, противостоявших французским войскам Наполеона I. В герилье основную массу не только рядовых, но и представителей командного звена составляли крестьяне и мелкопоместные идалго.

шло. Все революционные движения в конце концов ограничивались преимущественно рамками своей исторически сложившейся территории. Действительно серьезная попытка целенаправленного распространения коммунизма имела место в деятельности Третьего Интернационала, но и она не принесла существенных результатов. То же можно сказать об Организации солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки (ОСНААЛ). Романтические походы команданте Че окончились трагически. Распространение маоизма происходило в большей степени самопроизвольно, постепенно затухая вслед за спадом популярности левых идей в мире. Все революционные партизанские

движения по своей сути были государственными или государственнообразующими, чем подчеркнули значимость теллуристской составляющей и для революционного партизана. Примерами партизанских движений революционного типа можно назвать китайских (1927–1950 годов) и вьетнамских (середины 1940-х – середины 1970-х годов) партизан и формирования кубинских революционеров 1953–1959 годов. Сюда же можно причислить партизанские армии МПЛА и УПА в Анголе, Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), участников гражданской войны в Гватемале 1960–1996 годов, Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти в Сальвадоре,

Сандинистский фронт национального освобождения и «Никарагуанские демократические силы» в Никарагуа. К этому же типу относятся курдские партизанские организации Турции, Ирака, Сирии и Ирана, мексиканская Сапатистская армия национального освобождения в 1980–1990-х, Народный фронт за освобождение Сегьет-эль-Хамра и Рио-де-Оро (Фронт ПОЛИСАРИО) в Западной Сахаре 1970–1980-х, Фронт национального освобождения Алжира в 1954–1962 годах. Приведенный перечень можно дополнить огромным количеством подобных организаций, сочетавших в своих идеологических программах преимущественно левые взгляды с борьбой против властей собственного государства или метрополии. Сюда же, скорее всего, можно отнести и афганское движение Талибан (по крайней мере до его поражения в войне 2001 года с США). Оно представляет собой интерес-

ный симбиоз пуштинской классической местечковости, формируемой радикальным панисламизмом, с революционным типом партизанства. Третий этап, третий тип партизана — партизан третьей силы. Как и партизану предыдущего — революционного — этапа, ему свойственна повышенная политизированность, однако теперь ее определяет преимущественно третья сила. Его политическая мотивация сильнее — а теллуричность слабее, хотя все еще соблюдается некий их баланс. Можно сказать, что партизан третьего типа — искренний революционный партизан, но полностью контролируемый внешними силами. Примеры партизанских движений такого рода — это организации, осуществлявшие «цветные революции», а именно: «Видсич», «Кмара», «Пора!», «Самооборона Майдана» и другие организации Майдана-2004 и Евромайдана, некоторые партизанские движения, борющиеся с президентом Сирии Башаром Хафезом аль-Асадом, например «Сирийская свободная армия».

Четвертый этап, четвертый тип партизана — «аль-каидский», или партизан эпохи глобализации. У него полностью отсутствует теллуричность — вся ее мощь перетекает в политическую мотивацию партизана, который полностью превращается в вооруженного бойца политической организации. Он теперь партизан-партиец в полном смысле этого слова: действует по указанию своей партии на всем пространстве земного шара без привязки к нации, языку, конкретному государству. В отличие от партизан предыдущего этапа влияние на партизана четвертого типа сторонней третьей силы опять невелико: ее место занимает партизанская партийная организация, которая впервые ста-



Памятник Шарнхорсту в Берлине

Важнейшим событием для понимания феномена партизанства стал эдикт 1813 года об организации отрядов ландвера (народного ополчения), составленный по настоянию и под идейным руководством генералов прусского генштаба Герхарда Иоганна Давида фон Шарнхорста и графа Августа Вильгельма Антона Нейтхардта фон Гнейзенау. Этот документ обязывал всех подданных короля, под страхом соответствующего наказания, оказывать вооруженное сопротивление французским войскам.

новится самостоятельной политической и военной силой. Если ударной силой революций первой половины прошлого века был рабочий класс, возглавлявшийся партией нового типа, то теперь партизан превращается в ударную силу,

руководимую партизанской организацией нового типа. Партизан теперь не связан с государствами — он сам их творит. Его не интересуют ни границы, ни традиции, ни мнение населения. Примерами таких партизанских движе-

ний могут служить «Аль-Каида», значительная часть движений, воюющих в Сирии (например, «Джабхат ан-Нусра», «Техрик-е Талибан Пакистан», «Бригада Абдуллы Аззама»). И конечно, Исламское государство, или Исламское государство Ирака и Леванта, паназиатская организация «Джамаат-уд-Дава», ранее действовавшая под наименованием «Лашкаре-Тайба», с некоторыми оговорками к этой же группе относится нигерийская группировка «Джамаату ахлис Сунна Лиддаавати валь-Джихад» («Боко Харам»).

Из предложенной классификации следует предварительный вывод: только классическое партизанство есть плод естественной реакции нации на внешнюю политическую опасность. Оно органично нации, его породившей. Его цели — производные от системы смыслов нации. Остальные же типы партизан суть конструкты. Чем дальше партизан от классического типа, тем дальше он от сути партизанского движения. У партизана эпохи глобализации остается лишь оболочка, а содержание уже абсолютно иное, чуждое духу партизанского движения, которому только связь с родной землей и дает моральное право брать в руки оружие. Партизан нашего времени находит основания для этого лишь в своей чрезвычайной политической вовлеченности. Его поэтому можно назвать политическим разбойником.

В 1950–1980-х годах США вынуждены были противостоять партизанским национально-освободительным движениям практически по всему миру: на Кубе, в Никарагуа, Гватемале, Корее, Вьетнаме, Анголе, Мозамбике, в странах Южной Америки, Палестине. Вашингтон столкнулся с действиями левых партизан, координи-

руемых ОСНАААЛ. Американцы почувствовали всю мощь партизанского движения на себе и применительно к своим интересам, которые, как известно, особые: «Изменения происходят сегодня быстро, и нашему интересу 1860 года к Кубе соответствует сегодня интерес к Гавайям; быть может, аргумент самообороны приведет к тому, что Соединенные Штаты однажды будут должны воевать на Янцзы, на Волге и на Конго», — писал в 1940 году американский юрист, специалист в области международного права Филипп Кэрил Йессап. Подобным образом понимаемые интересы самообороны требуют и особых подходов, ибо присутствие собственных войск и прямое военное вмешательство не только не всегда приносят пользу, как, например, показал Вьетнам, но и стоят очень дорого. Война на Филиппинах на рубеже XIX и XX веков, которая все равно, несмотря на военную победу США, окончилась предоставлением Филиппинам независимости, стоила к тому же 600 миллионов долларов — громадные по тем временам деньги, а война в Индокитае Франции обошлась (с учетом помощи от США) в 3 триллиона 270 миллиардов франков. США увидели, что революционному партизану порою тяжело противостоять, даже если правительство это хочет, может и умеет делать. Так было в Южной Родезии и позднее в ЮАР. Однако Соединенные Штаты сумели извлечь урок из собственных неудач: они творчески развили теорию партизанства и начали употреблять ее в своих интересах. Афганская война и чеченский конфликт позволили применить на практике и отточить методы использования партизан в настоящей горячей войне. Успешные «цветные революции» позволили обогатить арсенал

партизан методами ненасильственной политической борьбы (НПБ).

При определенных условиях партизан оказывается очень удобным и действенным оружием либо полного разрушения государства противника, либо установления над ним контроля. Партизанство позволяет вести войну, не объявляя ее, и к тому же руками граждан государства-противника. Партизанство также стирает границу между состоянием войны и мирным временем. Внешне всё выглядит чрезвычайно благообразно — как волеизъявление самого народа — и вдобавок без затрат собственных людских и материальных ресурсов. Противник ослабляется по всем параметрам и становится хорошо управляемым. Партизанство позволяет вести войну, не только не объявляя ее, но даже борясь «за мир во всем мире». Здесь по-настоящему воплощаются в жизнь идеи оруэлловского англосоца: «Война — это мир, свобода — это рабство, незнание — это сила». Рассмотрим теперь внимательнее два последних типа партизана.

IV

Значительный вклад в теорию и практику партизанства внес американский общественный деятель Джин Шарп. Он обратил внимание на действенность НПБ и систематизировал ее методы. Его называют интеллектуальным отцом «цветных революций» — серии низложений преимущественно автократических режимов методами НПБ в конце XX — начале XXI веков. Движения, подготавливавшие и осуществлявшие «цветные революции», могут рассматриваться как партизанские, так как они полностью соответствуют критериям, предложенным Карлом Шмиттом.

Первое. Иррегулярность. Все

организации и участники «цветных революций» являются гражданами того самого государства, в котором происходит смена политического режима, — но гражданами, демонстративно противопоставляющими себя любым государственным структурам. Причем важно, что иррегулярность в рассматриваемом случае проявляется в противостоянии не просто отдельным институтам государства, как в классическом противостоянии партизан против армии и полиции, но всем наличествующим государственным институтам. И в то же самое время борьба идет не против государства как такового — подобные анархистские проявления незначительны, — а против конкретного распределения в нем властных полномочий, против правящей группы. Это свидетельствует о сугубо политическом характере таких движений. Собственное государство представляется им зараженным «чумой» и не подлежащим лечению — как и все поддерживающие его граждане. При этом использование методов НПБ предполагает отказ от использования оружия. Но при этом важно подчеркнуть, что все движения, делающие «цветные революции», претендуют на власть незаконно и незаконными методами, как и прочие типы партизан.

Второе. Политическая мотивированность. Этот пункт, кажется, даже и не требует разъяснений. Вообще все действия «цветных революционеров» насквозь пропитаны политикой, причем в ее самом предельном выражении — политической войной. Целей иных, кроме политических, не имеется и не ставится вовсе. Политизированность «цветных революционеров» сближает их с классовыми революционерами XIX — первой половины XX века. Вместе с тем у них



Памятник Мао в городе Кашгар

Мао на деле воплотил в жизнь идею вооруженной нации. Он разработал и применил на практике концепцию создания «освобожденных районов» как баз партизан. Ему же принадлежит и формула партизанской борьбы: «Враг наступает — мы отступаем, враг остановился — мы тревожим, враг отступает — мы преследуем».

есть одна характерная особенность. В отличие от любой левой организации, у тех, кто совершает «цветные революции», напрочь отсутствует собственная сколько-нибудь цельная идеология, а политическая программа выражается одной фразой типа: «Украина — это Европа». А если требуется, то псевдоидеологию и соответствующие ей цели и смыслы им предоставляет третье заинтересованное лицо.

Третье. Мобильность. Тактика НПБ требует не просто мобильности классического партизана или даже партизана революционного, но сверхмобильности. Могут потребоваться мгновенные и неожиданные митинги и демонстрации — и их надо будет организовать чуть ли не на пустом месте. Может возникнуть необходимость в стремительном перемещении с одного места в другое или даже в применении

насилия — и это придется осуществить буквально в считанные часы. Партизаны НПБ активно перемещаются по территории всего государства. Очаги противостояния вспыхивают в различных местностях одновременно и по очереди, то быстро затухая, то возгораясь вновь и продолжаясь длительное время. Интенсивно используются средства электронной и мобильной связи, СМИ, Интернет, социальные сети, транспортные средства. Организуются специальные группы активистов-партизан, разъезжающих по стране и создающих напряженность в местах своего появления. Роль личной инициативы чрезвычайно высока, при этом партизаны несут только личную ответственность за результаты устраиваемых ими акций. Вместе с тем сохраняется и высокий уровень свободы: мобильность «цветных» партизан выражается и в том, что решение о присоединении к движению или об уходе из него принимается лично каждым. То есть в этом смысле участник НПБ походит на классического партизана: и тот и другой непредсказуемы для своих руководящих структур.

Четвертое. Теллуричность. Если иррегулярность, политическая мотивированность и мобильность «цветных» партизан отчетливы и несомненны, то их привязанность к месту, к своей земле, наоборот, слабо выражена. И хотя политической целью НПБ всегда является смена правящего режима (недаром результат НПБ именуется революцией), ни в целом группы участников этого движения, ни сами участники по отдельности не ставят перед собой локальные цели борьбы — цели, привязанные к конкретной местности. Им интересно работать лишь на всей территории государства целиком и позиционировать

себя в качестве выразителей интересов всего народа.

Таким образом, «цветные революционеры» суть те же партизаны, а победа «цветной революции» — это победа партизан над регулярной государственной структурой. Более того, в полном соответствии с революционной теорией и практикой Ленина и Мао после победы «цветной революции» актив участников НПБ кооптируется в новую правящую группу, чего никогда не делалось в отношении руководства классического партизанского движения по причине вторичности для него политической мотивации и первостепенной значимости сохранения существующего порядка вещей. Классический партизан отстаивает свой образ жизни. Другие же типы партизана — начиная с революционного — хотят изменить его. В этом — принципиальная разница между ними.

Но тем не менее увенчавшиеся успехом «цветные революции» стали большим шагом вперед в теории и практике партизанской борьбы. Во-первых, за счет методов НПБ, прежде практически не применявшихся, был существенно расширен арсенал партизанства. Во-вторых, «цветные революции» явили собой успешный опыт перенесения партизанской борьбы в города. Прежде крупнейшие теоретики и практики партизанской войны — герцог Палафокс, Клаузевиц, Мао, Че Гевара, Хо Ши Мин, Режи Дебре — связывали успех с широким и преимущественным участием в ней сельских жителей. Это же обстоятельство подчеркивала и четвертая характеристика партизана по Карлу Шмитту — теллуричность, связь с родной землей. Даже марксистская теория революционной борьбы хотя и делала упор на рабочем классе как ударной силе революции, но в

вопросе о партизанстве и она стояла на классической точке зрения: партизан — это в первую очередь житель сельской местности, крестьянин, сельхозработчик. Реальные победы партизанского движения подтверждали подобный взгляд, поскольку были связаны исключительно с партизанской войной, ведущейся вне городского пространства — в сельве, в горной местности, в джунглях. Города были, скорее, объектом нападения со стороны партизан и поставщиком ресурсов для них, чем местом их обитания и действия. Борьба за города начиналась тогда, когда партизаны в ходе войны превращались уже в регулярную армию.

Даже сама теория городской партизанской войны — «городской герильи», — впервые систематизированная бразильским революционером Жуаном Карлусом Маригеллой, в значительной степени явилась калькой, перенесением сельских партизанских методов в города. Сравним, например, «Краткий учебник городской герильи» Маригеллы с «Партизанской войной» Че Гевары. Оба исходили из мысли о чрезвычайной значимости того, чтобы практическая вооруженная борьба начиналась группой, пусть и небольшой, партизан-закоперщиков, то есть из так называемой теории фокизма — своеобразной интерпретации ленинского учения о партии как организаторе рабочего класса в ходе подготовки и осуществления социалистической революции. По сути, менялся театр партизанской борьбы — но не ее методы. Город в этой концепции рассматривался как урбанизированная деревня, как некие «джунгли», как сильно пересеченная «гористая местность». Но таковым город может считаться только в индустриальном, метафорическом смысле. Фактически же

он совсем не своеобразная «сельская местность». Под такое определение город не подходит ни по структуре ландшафта, ни по психологии, концентрации и составу населения, ни, наконец, по течению в нем времени. Это особая местность. Думается, именно по этой причине — из-за несоответствия тактики борьбы месту ее осуществления — мы и не имели успешных городских партизанских движений.

Сам Маригелла был застрелен полицией 4 ноября 1969 года, попав в засаду. А созданная им подпольная военно-политическая организация «Действие за национальное освобождение» вскоре была почти полностью физически уничтожена. Аналогичным образом ни к чему не привела и борьба леворадикальных городских партизанских групп в Европе («Красных бригад» в Италии и «Фракции Красной Армии» в ФРГ и Западном Берлине), «Синоптиков» в США, многочисленных организаций по типу уругвайской «Тупамарос» в Латинской Америке.

Городские партизанские организации прославились отдельными громкими террористическими атаками, после чего путем жесточайших репрессий со стороны правительства они были физически и психологически эффективно подавлены. Напротив, методы НПБ, использованные в ходе «цветных революций», дали совершенно иной результат. По крайней мере в половине случаев партизанское «цветное движение» приводило к успеху.

Последним по времени вкладом в практику городской герильи, пока не осмысленной в теории партизанства, стало противостояние евромайданных партизанских группировок и властей Украины в период с ноября 2013-го по фев-



Памятник Хо Ши Мину в Москве

Хо Ши Мин, в свою очередь, обогатил практику партизанства хорошо продуманной тактикой масштабного психологического террора с целью контроля масс аполитичного населения и создания для врага «ландшафта измены», в котором тот оказывается вынужденным жить и действовать.

раль 2014 года. Новым здесь стало творческое сочетание методов НПБ с организацией постоянного очага противостояния партизан и полиции в

столице государства и частичным захватом правительственного квартала. Последнее крайне важно в символическом ключе — в результате

Ликующие сандинисты, свергнувшие Самосу, в Манагуа 20 июля 1979 года



Второй тип партизана – революционный. Для него характерна особая важность политической составляющей, достигающей баланса с теллуричностью. Все революционные движения данного типа в конце концов ограничивались преимущественно рамками своей исторически сложившейся территории.

власть в государстве как бы делилась между правительством и партизанами, легитимируя и даже частично легализуя последних.

Ненасилие в этой «цветной революции» было почти условным. Защита площади Независимости велась агрессивно, но без открытого использования огнестрельного оружия, тем самым властям не давался предлог для широких репрессий с применением оружия, в котором у них было подавляющее преимущество. Ключевую роль в сдерживании правящего на тот момент киевского режима от жестких мер – при нараставшем насилии со стороны «цветных революционеров» – сыграла демонстративная поддержка партизан Евромайдана западными политиками, сыгравшими роль третьего заинтересованного лица. И хотя правительственные силы окружали Евромайдан, они были профессионально лучше подготовлены, технически лучше оснащены, но инициатива находилась в руках именно городских партизан, и они вели

непрерывные наступательные действия. Правительство лишь оборонялось. Только такая тактика – высокая и постоянная мобильность, усиление напряженности, бесконечный рост требований к властям – ведет партизана к победе, особенно при использовании методов НПБ. Оборона для партизана означает смерть. Кроме того, на Украине были организованы некоторые аналоги «освобожденных районов» Мао Цзэдуна – преимущественно на западе страны. Эти «районы» снабжали очаг сопротивления в Киеве людскими, материальными и финансовыми ресурсами.

Главная и трагическая ошибка президента Януковича была обусловлена проблемой децизионизма – принятием политического решения о действии в условиях собственной неопределенной легитимности. Подобная ошибка допускается многими политическими деятелями, и в аналогичных ситуациях она чревата потерей власти. Но в рассматриваемом случае она представляет интерес в контексте острого

конфликта двух суверенов: партизана, являющегося самозванным сувереном (точнее, здесь он агент внешнего суверена – третьего заинтересованного лица), и представителя легитимного суверена – например, нации. Последним и был законно избранный легитимный президент Украины Янукович. Евромайданные партизаны самостоятельно приняли конечное политическое решение и взяли на себя ответственность в обстоятельствах политической войны – то есть они конструировали в ее процессе свое *политическое*. А вот Янукович не смог преодолеть этот барьер – принять решение в условиях политической неопределенности и поставленного вопроса о его легитимности. Он не решился опереться на абсолютную законность своих действий по разгону Евромайдана. И произошло обрушение того *политического*, которое он олицетворял. В конечном итоге он потерял власть не столько вследствие евромайданной революции, сколько по неспособности действовать как суверен, по неспособности принимать решения в условиях, когда надо брать на себя настоящую ответственность суверена и отстаивать или творить свое *политическое*. Впрочем, Янукович это показал еще в событиях «оранжевой революции» 2004 года. Он, наверное, хороший царедворец и торговец, но отнюдь не суверен.

Следует еще раз подчеркнуть центральное отличие партизан «цветных революций» от партизан классических – в наше время роль третьего заинтересованного лица становится доминирующей. Теперь именно это лицо определяет цели партизанского движения, оно их диктует. Более того, происходит смещение этого заинтересованного лица за границу, наступает его полный

отрыв от государства, в котором действуют партизаны. Яркий тому пример — сегодняшняя Украина.

Указанное истончение связи партизана с «землей отцов» имеет некоторые принципиальные последствия. Первый раз характер партизана существенно изменился, когда он стал бойцом революции, то есть политический смысл партизанства начал сводиться не к противостоянию внешнему агрессору (как у партизан периода Наполеоновских войн, партизан Второй мировой войны, в том числе и китайских, боровшихся с японской оккупацией, вьетнамских, воевавших с французской метрополией или с США), а к смене системы власти в родном государстве. Впрочем, Ленин, Мао и другие революционеры использовали партизана и партизанские методы борьбы для целей хотя и сугубо политических — установления новой системы власти, — но тем не менее треть заинтересованное лицо здесь было либо внутренним лицом самой нации, либо играло второстепенную роль, лишь помогая и используя революционный порыв. При этом партизаны национально-освободительных движений в своей основе, несмотря на значительную левую риторику и элементы марксистской, троцкистской или маоистской идеологии, были крайне близки к классическим партизанам. Они боролись против либо чуждых им внешних акторов, либо правительства, контролируемого этими акторами. Так они утверждали свою национальную идентичность. Теперь же партизан «цветной революции» не просто свергает правительство своей страны, но он используется для этого чужими внешними акторами и исключительно в интересах этих чужих внешних акторов. Он полностью от них зависит:

материально, морально, идеологически, политически — в части легитимации и легализации своих действий. Уже там, за границей, его центральная опора и его сердце. Это как национально-освободительное движение наоборот: борьба не за освобождение от колонизатора, а за отдание себя колонизатору. В самом деле — «Второе нашествие марсиан» братьев Стругацких.

Столь существенное усиление влияния третьего заинтересованного лица в деле партизанства вызвано несколькими причинами. Во-первых, смещением целей партизана с защиты своей земли, своего очага от вторжения чуждых смыслов, идущих извне, к чисто политическим целям и использованию партизана как инструмента политической борьбы, то есть сдвигом от теллуричности — к политической мотивации. Во-вторых, повышением роли глобальных факторов во внутренней политике каждого отдельного государства. Сегодня не только война между государствами уже не является делом исключительно конфликтующих сторон, но и сами их внутренние дела стали явлением глобальной политики, а значит, и объектом внимания со стороны глобальных акторов. В процессах глобализации во второй половине XX века происходило постепенное размывание суверенитета отдельного государства. Оно перестает представлять собой Левиафана Томаса Гоббса. Суверен уходит из государства. Само государство по иронии судьбы превращается в сторожа — только не на службе у суверена-народа, а в сторожа — надзирателя за оным. По факту сегодня в государстве нет суверена в классическом смысле этого слова, но нет такого пока и вне государства. Мы живем в эпоху всеобщей неопределенной легитимности госу-

дарственной власти. Именно поэтому партизаны двух последних типов и стали возможны.

Указанное умаление теллуричности партизана эпохи «цветных революций» должно быть компенсировано дополнительной легитимацией его действий. Осуществляется это извне. В эпоху до Французской революции легитимность власти устанавливалась свыше — от Бога. А потому политическая мотивация партизана была неразрывно связана с его верой. И партизанское движение начала XVII века в Московском царстве, и элементы партизанства в Тридцатилетней войне за гегемонию в Священной Римской империи германской нации 1618–1648 годов стали политическими ответами простого народа на попытки изменения заведенного свыше порядка установления власти. Позднее, в эпоху индустриализации и утверждения республиканского правления, наряду с легитимностью земли, поскольку суверен перестал быть персонифицированным, все большее значение приобретала легальность власти, установление оной на основе права. И партизан Второй мировой войны сражался на стороне традиционной легитимности и легальности — против новой легальности, устанавливавшейся посредством тотальной войны силами, не связанными с его землей и обычаями. Партизан же «цветной революции» слабо связан с землей и почти не связан с традицией. То есть его действия как партизана не только незаконны, что было всегда свойственно партизанству, но и нелегитимны. Поэтому он все больше начинает походить на обычного самозванца, опасно приближившегося к черте, отделяющей его от простого бандита. Своими действиями он со-

крушает и законность, и легитимность. За отсутствием опоры внутри государства такой партизан вынужден получать легитимность извне, из области, не связанной с местом войны. Эту легитимность и обеспечивает третья сила. И поскольку единственно от нее теперь зависит легитимность партизана, отрекшегося от внутреннего суверена, то он и оказывается в полной зависимости от третьей силы. Политическая цель партизана, учиняющего «цветную революцию», есть сугубо политическая цель третьего заинтересованного лица.

Заметим, что легитимность такого партизана нужна этой третьей силе только ради легитимности результатов деятельности партизана — деятельности, осуществляемой исключительно в интересах третьей силы, без связи с традицией, народом, легальностью. Такое утилитарное понимание легитимности особенно свойственно глобальному партизану, для которого легитимно лишь то, что он сам делает. Произошло полное отрицание легитимности в классическом понимании, в том числе и как традиции, как согласия, как признания.

Промежуточное положение в этой череде метаморфоз пока занимает «Правый сектор» — объединение радикальных украинских националистических организаций. Оно приняло активное участие в свержении законного и легитимного президента Украины Януковича. В отличие от остальных фигурантов Евромайдана — партии УДАР, всеукраинских объединений «Батькивщина» и «Свобода», — «Правый сектор» обладает собственной — вполне сформированной и четкой — идеологической концепцией и целостным видением судьбы Украины. В результате он слабо подконтролен третьему заинтересованному

лицу евромайданной революции, а значит, и непредсказуем в своем поведении впоследствии. «Правый сектор» способен сам формировать *политическое* и предъявлять его народу и стране, поэтому он вполне может вступить в конфликт с нынешним Украинским государством в лице новой правящей группы — в конфликт не за деньги, а за действительную политическую власть. Осознавая эту специфику «Правого сектора», Соединенные Штаты хотя и использовали эту организацию в пору Евромайдана, но не допускают ее до власти, постоянно отжимая от рычагов реального управления, в том числе и занижая процент проголосовавших за ее кандидатов на выборах президента и в Верховную Раду. Тем самым производится маргинализация и оттеснение «Правого сектора» на периферию украинского *политического*, которое конструируется Соединенными Штатами. Вашингтон считает, что, набрав силу, настоящие галицийские националисты и радикалы из «Правого сектора» станут такими же неуправляемыми, какими оказались большевики, «Аль-Каида» или Талибан.

Поскольку «цветные революции» суть партизанское движение, то и бороться с ними надо как с партизанами: оказывать давление — длительное и постоянное, временами усиливающееся, купировать поддержку партизан населением (например, путем их дискредитации), затруднять мобильность, отсекают от источников снабжения ресурсами, связывать действия партизан и вынуждать их переходить к обороне. Вполне эффективными могут быть и такие меры, как смещение партизан в сферу криминальной деятельности, дискредитация лидеров, провоцирование недоверия и розни внутри движе-

ния, выдавливание его из публичной общественной жизни. Бороться с партизанами надо решительно: вести переговоры только ради маскировки сосредоточения и перегруппировки собственных сил, не идти ни на какие компромиссы или промежуточные «приемлемые» результаты, вести борьбу до полного разгрома «цветных революционеров». Поскольку само это движение в значительной мере инспирировано и движется третьей силой, то для его подавления необходимо добиваться затруднения, а лучше разрыва связей между партизанами их внешним руководящим центром, публично демонстрировать собственному населению и мировому сообществу ангажированность «цветных революционеров».

V

Описанный выше процесс утраты партизаном связи с родиной и нацией, с землей предков, получил наглядное подтверждение в конфликте, разгорающемся с декабря 2010 года в странах Передней Азии, прежде всего в областях Леванта и Месопотамии.

Иррегулярность партизана обуславливает несамостоятельность его политической субъектности. Следовательно, для конкретизации политической мотивации ему требуется опора на некую регулярность. У классического партизана такая регулярность связана с землей, с традиционной системой владения, с системой смыслов самого партизана как представителя определенной нации и государства. Но чем слабее связь партизана с землей, чем меньше его теллуричность, тем больше он нуждается в политической мотивации для политической легитимации своих действий — чтобы они имели смысл и не соскользнули в область крими-

нальной активности. Эту политическую легитимность может дать партизану как революция, хотя и творящая новое *политическое*, но тем не менее не отрывающаяся его от родной земли, так и заинтересованная третья сила. Именно последнее и происходит с «цветными революционерами». Однако ситуация может зайти и еще дальше и завершиться полной потерей партизаном теллуричности. И тогда он будет вынужден полностью положиться на одно лишь *политическое*. Но такого рода *политическое* не в силах предоставить третье заинтересованное лицо, ибо партизан тогда превращается в наемника, полностью покидает область легитимности и получает очень условную легальность и перестает быть партизаном. Потому при полной потере теллуричности он начинает творить собственное *политическое*. Так рождается партизан эпохи глобализации.

Начало подобной трансформации партизана было положено активным использованием партизанского движения афганских моджахедов в борьбе против СССР. Соединенные Штаты организовывали, обучали, снабжали и политически покрывали (легитимировали) этих повстанцев. Пакистан же играл хотя и важную, но второстепенную роль, не совсем понимая, во что ввязывается. В итоге он получил на своей территории «партизанское государство» Вазирстан.

Указанный полный разрыв партизана с землей предков возможен, по крайней мере в двух случаях.

Во-первых, при абсолютизации политической составляющей партизана и изначальной мощной и разнообразной его поддержке со стороны третьей силы. Тогда ослабевает потребность партизана в вербовке местного населения, в дру-



Сирийская свободная армия

Третий тип партизана – партизан третьей силы. Как и партизану предыдущего – революционного – этапа, ему свойственна повышенная политизированность, однако теперь ее определяет преимущественно третья сила.

жественном взаимодействии с ним, в получении от него моральной и материальной поддержки. А сам партизан начинает все больше превращаться в наемника. В Афганистане в годы противостояния советским войскам, несмотря на активную поддержку со стороны США и Пакистана, из местных афганцев были не только рядовые бойцы, но и средний и высший руководящий состав моджахедов. А вот в Чечне во время обеих войн уже ощущалось усиление влияния наемников, совершенно не связанных с собственн Чечней и чеченцами. И это обстоятельство дало обратный эффект – в результате удалось успокоить мятежный регион. Его элита поняла, что поддерживавшие ее противостояние с РФ внешние силы совершенно не заботятся о судьбе самой Чечни и чеченцев.

Но это было лишь начало политического становления партизана как полностью самостоятельной силы.

Во-вторых, отчуждение партизана от своей родины возможно при значительном или полном разрушении государства, когда именно вооруженный партизан становится единственной властью. Так произошло в бывшей Ливийской Арабской Джамахирии. А до того – в Ираке после свержения Саддама Хусейна. Когда иррегулярность в партизане побеждает все – и политическую мотивированность, и теллуричность, тогда и вообще любая регулярность, придающая его действиям осмысленность и форму, тоже побеждается. Иррегулярность партизана просто уничтожает государство без создания чего-либо нового. Таким образом, партизан может быть не только зародышем нового государства и новой армии, но и просто разрушителем *социального*.

В сирийском конфликте, который очень быстро перешел из НПБ сразу в горячую партизанскую войну, роль пришедших элементов стала пре-



Четвертый тип партизана – «аль-каидский», или партизан эпохи глобализации. У него полностью отсутствует теллуричность – вся ее мощь перетекает в политическую мотивацию партизана, который полностью превращается в вооруженного бойца политической организации.

обладающей. Партизан в Сирии крайне слабо связан с землей предков и с народом. Он деградировал как гражданин и как подданный. Такая отчужденность привела к полной утрате легитимности в действиях таких партизанских групп, как, например, «Ансар аль-Ислам», «Бригада Абдуллы Аззама», «Техрик-е Талибан Пакистан», «Джабхат ан-Нусра» и др. Деятельность подобных партизан и незаконна, и нелегитимна, как, впрочем, и активность городских партизан «цветных революций». Но последних, как уже отмечалось выше, отводит от криминальной сферы заинтересованный третий. Единственное же, что продолжает кардинально отличать теперь партизана от бандита, это его предельная политическая напря-

женность, пронизывающая абсолютно всю его деятельность.

Эта напряженность, выдвинутая у партизана на первый план теоретиками и практиками социальной революции, абсолютизирована в конце XX века деятелями исламского всемирного джихада. Такая исключительная политическая напряженность партизана сама становится его легитимацией в полном соответствии со шмиттовской концепцией децизионизма – способности к окончательному политическому решению как основе возникновения права и государства в условиях неопределенности. Получается, что абсолютная политизированность партизана позволяет ему не только разрушать старое *политическое*, но и сотворять новое. И

тут возникают два вопроса: какое *политическое* творит партизан и как он это делает? Партизанская война сегодня принципиально отличается от партизанских войн первых трех четвертей XX века. Для партизана эпохи глобализации население является пассивным субстратом, элементом ландшафта, на котором партизан ведет свою войну и творит новое *политическое*. Для левых революционеров прошлого века, несмотря на их риторическое обращение к массе, эта самая масса была и объектом воздействия, и поставщиком ресурсов, и вооруженным народом, и даже целью.

Современная партизанская война – например, в странах Леванта – основана не просто на терроре, а на терроре партизаном местных жителей, но отнюдь не представителей власти, как это было ранее и даже у партизан «цветных революций». Мао писал, что «партизан должен двигаться среди народа, а именно: он должен чувствовать в нем себя как

рыба в воде». Новый же партизан эпохи глобализации — это хищная рыба, поедающая сперва государство, а затем и народ. Он эксплуатирует граждан, затопляя разум политической враждой, доводя оную до тотальной и абсолютной, подавляя волю с помощью террора. Он уничтожает одно *политическое* для создания другого в интересах собственных партийных организаций. Если раньше классический партизан боролся с иноземным противником, обретая легитимность в праве обороны и, будучи представителем нации и земли, защищал свое правительство, то ныне уже центральное правительство вынуждено защищать население от партизана, начавшего творить свое *политическое*.

Вот и получается, что очередным этапом развития партизанства является его новый вид, не связанный с самим автохтонным этносом территории партизанской войны. Это законченный тип революционера, не имеющий ничего общего уже не только с землей, но и с той или иной устойчивой социальной группой, и с позитивной революционной теорией. Предоставленный сам себе, он не способен ни к какому созиданию. Смысл его существования — борьба и разрушение. Тут он достойный продолжатель дела русских террористов XIX века и европейских — XX века. Он не ставит перед собой позитивной цели, как революционный партизан, не опирается на регулярное собственное правительство, как партизан классический, не обретает легитимность в *политическом* третьей силы. Внутри него — пустота, за ним — хаос.

У партизана эпохи глобализации осталась только политическая вовлеченность. Нет ни легальности, ни легитимности, ни теллуричности. Его первоначальная опора — за-

интересованный третий, но и с ним он порывает и получает свое оправдание исключительно во вражде, питаемой иррегулярностью и политической вовлеченностью. Это — Голем, вышедший из повиновения, ненавидящий своего родителя, жаждущий его убить, ибо кроме вражды у него нет никакой движущей силы. Более того, новый партизан полностью отказывает в праве на существование иному *политическому*, кроме творимого им самим. Он — плохая опора в политической стратегии.

Утрата теллуричности одновременно существенно усиливает мобильность такого партизана. Он теперь не связан со страной, государством, народом, землей. Партизан эпохи



Теория городской партизанской войны — «городской герильи», — впервые систематизированная бразильским революционером Жуаном Карлусом Маригеллой (на фото), в значительной степени явилась калькой, перенесением сельских партизанских методов в города.

глобализации — корсар. Он порывает с землей — Теллурисом, а становится слугой моря — Талассы. Он творит стихию моря на суше. В самой глубине суши. Он может на ней воевать как пришелец, как профессиональный военный, как наемник, не щадя ландшафта, местных жителей, строений, прямо идя к цели. К сугубо политической цели. Такой партизан творит политическую пустыню. Возможно, именно его мы и наблюдаем в Ливийской пустыне после гражданской войны 2011 года. Его эффективность и сила возрастают многократно. Он может сочетать традиционные преимущества партизана — скрытность, террористический характер действий, мобильность, повышенную инициативность, гибкость, сетевую структуру организации и управления, абсолютную политическую мотивированность, четкое зна-

ние своего врага, широкий охват территории активных действий — с преимуществами регулярных войск. Среди таких преимуществ — хорошее снабжение оружием, боеприпасами, амуницией, использование профессиональных военных, высокий уровень планирования, наличие учебных центров для среднего и низшего командного и рядового составов, отлаженная координация действий.

Однако рассмотренные апокалиптические мутации партизанства вовсе не свидетельствуют о том, что подобный способ борьбы нации за свое *политическое* уже неактуален или невозможен. Напротив, на Украине и в Новороссии сегодня созрела очень благоприятная ситуация для развития классического партизанского движения. Однако этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения. 